

СОДЕРЖАНИЕ

От автора

9

Часть 1

ЗЕВИНСКОЕ ПЛАТО

11

Часть 2

К МОРЮ И ОБРАТНО

147

Часть 3

СУХОПАДНАЯ

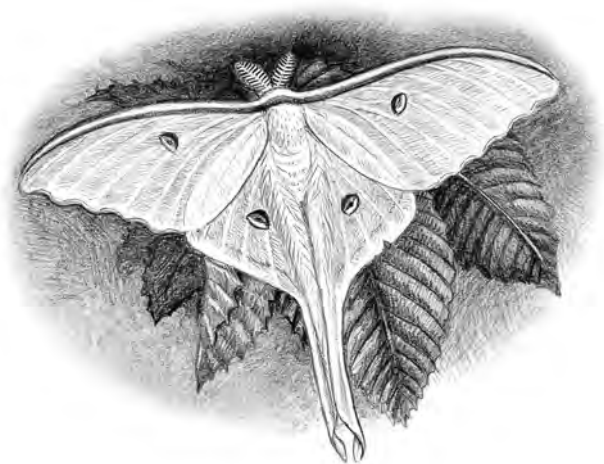
311

Эпилог

Дети лейтенанта Гранта

437

*Памяти Юрия Борисовича
и Бориса Константиновича Шибневых
посвящается*

Всякий раз, когда вступаешь в лес, который
тянется на несколько сот километров, невольно
испытываешь чувство, похожее на робость.
Такой первобытный лес — своего рода стихия,
и немудрено, что даже туземцы, эти привычные
лесные бродяги, прежде чем переступить границу,
отделяющую их от людей и света, молятся богу
и просят у него защиты от злых духов,
населяющих лесные пустыни.

В. К. Арсеньев. По Уссурийскому краю

Много раз я задавал себе вопрос: если бы знал заранее, сколько испытаний, лишений и риска выпадет мне и всем нам в этой экспедиции, — поехал бы?

Наверное, все-таки да! Ведь тогда я знал бы и то, что занявшая три месяца эпопея в конце концов завершится благополучно, все останутся живы и более-менее здоровы, а изобилие «красот и чудес», открывшихся нам в неизведанных землях, в значительной степени затмит драматические события и тяготы путешествия. Путешествия, которое сейчас — с высоты прожитых лет и накопившегося опыта, да и с изменением реалий полевых исследований в целом — выглядит сплошной авантюрой. Но такие уж тогда были времена и обстоятельства! И хочется сказать спасибо опытным спутникам за те уроки выживания. Ну а с куда более длительными походами Пржевальского, Арсеньева и других землепроходцев Дальнего Востока, совершенными в иную эпоху, в гораздо более дикой местности и в других бытовых условиях, наши тогдашние «подвиги» и научные результаты сравнивать и вовсе смешно!

Название с аллюзией к произведениям Жюль Верна, Луи Буссенара или Майн Рида может обманчиво настроить читателя на легкое и даже юмористическое чтение. Но веселья в книге немного, полета фантазии тоже мало — я из всех сил стремился сохранить повествование документальным. Хотя полностью объективной картины тоже не ждите, ведь каждый из нас воспринимает мир по-своему. В первую очередь мне хотелось показать нелегкую «кухню» полевой зоологии. Каюсь: возможно, многовато написано про птиц

в ущерб остальному, но ничего не поделаешь — их изучение было основной задачей экспедиции.

Почти тридцать лет я все подступал к изложению хроники того сезона, собирался и снова откладывал. Сама рукопись тоже шла долго и туго, спасительным решением, облегчающим и разнообразящим повествование, оказались вставки-«флешбэки» — чтобы не заскучал читатель.

Зная все дальнейшие перипетии нашего автономного похода постфактум, я хотел начать повествование энергично и брутально. Подмывало написать, как это делали признанные мастера приключенческого жанра. Например: «Вертолет выбросил нас прямо в снег!..»

Но начну все же иначе.

Часть 1

ЗЕВИНСКОЕ ПЛАТО

Эту заброшенную избу, притаившуюся за бурой щеткой лиственниц в самых верховьях Зевы́, мы, даже сделав несколько заходов-виражей на вертолете, еле заметили. Глаза устали следить за чересполосицей ржавых пятен начинавших оттаивать марей в белом окаймлении заснеженных ельников, за мозаикой серых льдин на черной воде Бикина и Улунги, голубоватыми извивами более мелких речек, застывших в зимних оковах. В Хабаровске, находящемся в полутора часах лета к северу, в первых числах мая уже распустилась свежая листва на тополях и берегах, временами моросил теплый дождик, прилетели первые ласточки, а серые скворцы вовсю обживали скворечники. Здесь же весна лишь делала первые шаги.

Наконец штурман ткнул пальцем в левый иллюминатор и что-то сказал пилоту, тот начал снижение, и только в этот момент мы увидели сруб. От винтокрылой машины, почти задевающей вершины деревьев, из перелеска прыгнул лось и махами погнал через болото, поднимая фонтаны брызг. Возле избы сесть не представлялось возможным из-за глубокого снега, и Ми-8, не заглушая движка, плюхнулся на окраину ближайшей мари, в кочкарник, пропитанный талой водой.

Юра с камерой вылез первым, Николай передал ему треногу штатива — и через несколько секунд штатный оператор экспедиции уже снимал стремительный процесс выгрузки амуниции и высадки отряда. Трое экспедиционеров лихорадочно кидали вещи прямо на осеняемые крутящимися лопастями кочки и в подтаявшие потемневшие сугробы. Летчики что-то орали, пытаясь перекричать рев

мотора, и стучали пальцами по часам, умоляя поторапливаться.

Обведя напоследок взглядом опустевший салон, мы выпрыгнули. Вертолет, обдав наши лица студеным ветром на прощание, облегченно оторвал шасси от земли. Сначала медленно, а затем все быстрее начал набирать высоту. Когда оранжевая стрекоза растворилась в неровном серо-голубом небе и ее гул окончательно стих, пришло жутковатое ощущение совершенно нереальной тишины и оторванности ото всех. Мы четверо, возможно, были единственными людьми на сотни километров вокруг.

На Зевинском плато Центрального Сихотэ-Алиня, выше 1000 м над уровнем моря. В северо-восточном углу Приморского края.

Однако предаваться рефлексии не было времени. Первая ходка к избе от места высадки далась трудно. Снег был глубокий, почти по пояс, пришлось, подняв раструбы болотников, сгибаясь под тяжестью груза и набирая снежной каши в сапоги и карманы, ползти почти на карачках. Пока умяли сугробы на пути к избушке, утоптали снег вокруг нее, расчистили проход к реке, по частям перенесли гору нашего барахла — прошел весь длинный световой день.

В почерневшем подгнившем срубе было сыро, затхло и тесновато, на нарах благоухала старая, почти вылезшая изюбриная шкура, но печь-буржуйка вроде в исправности. Большую красно-синюю дуговую палатку установили на утопанном снегу с задней стороны избы — в ней собирались жить мы с Костей. Бледно-желтая Юрина палатка расположилась чуть поодаль, под сизыми аянскими елями, сплошь покрытыми горчичными бородами лишайника уснеи. Она вмещала большую часть видеотехники и оставляла место лишь для одного человека. Николай, как все

местные жители, предпочитал надежную крышу палатке и заявил, что будет спать в избе. В два удара топора свалив сухую елку у реки, он споро нарубил дров и начал обстоятельно топить печь.

Избушки

Охотничья избушка в тайге — самое желанное место для усталого путника, даже если это простой бревенчатый сруб «два на два» по внутреннему периметру, без особых удобств — только печка да нары. Да маленькое окошко, прорубленное напротив дощатой двери и затянутое полиэтиленом. В простейшем варианте достаточно бывает пяти-семи проконопаченных мхом венцов, крышу чаще всего делают односкатную, кроют рубероидом, кедровой или лиственничной дранкой, для тепла насыпают и утрамбовывают землю, поверх кладут мох. Пол тоже земляной, реже — из деревянных плах. На участке охотника-промысловика в Сибири или на Дальнем Востоке таких срубов бывает несколько — из расчета зимнего перехода посветлу от одного к другому. Ставят избушку в месте приметном, обычно на берегу ручья, но немного в стороне от тропы-путика. И маскируют так, что чужой пройдет — не заметит. Впрочем, чужие здесь, как правило, не ходят.

В Уссурийском крае маленькие срубы почему-то называют «бараки», избы побольше — «зимовья». Иногда избушку именуют «фánза», на корейско-китайский лад. А кое-кто до сих пор использует старинные слова «балаган» и «стан», оставшиеся со времен освоения этих мест казачьими отрядами и первоначально обозначающие жилища аборигенных народов. Со студенческих лет мне ближе северное название полевого домика, усвоенное на острове Врангеля, — «балók». Правда, северный балок чаще всего сделан не из бревен

и его можно перевозить на полозьях по тундре, прицепив к вездеходу. Косте слово тоже понравилось, и оно прочно вошло в наш обиход.

Хозяин этой избы — промысловик Валентин Оберёмок по кличке Обер — лет десять не посещал свой участок: уже не позволяли возраст и здоровье. Костя пересекся с ним в Охотничьем в прошлом году, и тот указал по карте, где ее найти. Весьма приблизительно, конечно!

Скоро внутри избышки уже уютно потрескивал огонь, выгоняя сырость и замещая запахи. Снаружи звенящее безмолвие нарушалось только журчанием переката на реке и еле слышным гортанным «кррук» ворона. Вдруг между стволов корявого елово-лиственничного редколесья на пару минут выглянуло заходящее солнце, вызвав залп песен корольковых пеночек — крошечных перелетных птичек, совершенно не ассоциирующихся у нас с суровым зимним пейзажем.

— Вот это да! Пеночки среди сугробов! — не смог сдержать восторга я.

— В общем-то, неудивительно — май месяц на дворе, первые волны мигрантов даже сюда должны уже прилететь, — рассудительно отозвался Костя.

— Эт-то радует! — ввернул свое любимое присловье Юра.

Чувство оторванности от остального мира прошло, наоборот, появилось предвкушение предстоящей большой и интересной работы — как обычно в начале экспедиции. Пока все было хорошо и шло по плану.

В половине шестого утра нас разбудили крики черных журавлей. Не такие трубные, как у давно знакомых серых журавлей, но более звучные и высокие, чем у журавлей

канадских (по крайней мере, на мой слух). Как по мне, крики любых журавлей — ликующие серебряные фанфары, и только в воображении поэтов и писателей они почему-то преобразились в печальный символ осени — прощальное меланхолическое курлыкание улетающего на юг клина. Ну что же, отлично — один из основных объектов исследований в верховьях Зевы на месте!

После теплого спальника в палатке совсем не жарко, а снаружи и вовсе легкий морозец, градуса три-четыре. Лес стоит оцепеневший в искрящемся пушистом инее. Пока вылезашь — страгивашь его пласты, и он скользит по гладкой синтетике купола, непременно норовя попасть за шиворот. Завтракать собрались снаружи, да и еду готовить на костре оказалось быстрее и удобнее, чем на печке в тесноте дома. Быстро смастерили стол на козлах, сели на чурбаки, дожидаясь, пока вскипит вода в котле, и слушая птичий концерт.

Вчерашней гнетущей тишины как не бывало — предвкусывая ясный день, активно запевают пятнистые коньки и синицы московки. Им вторят флейтовые скороговорки синехвосток, бодрые пулеметные очереди корольковой пички, тоненький писк королька. Изредка доносится тихое пленьканье сибирской завирушки, издалека скрежещут кедровки, чуть позже с монотонным жужжаньем вступают юрки. Четко вырисовываясь в молочно-голубом небе, мимо лагеря пролетает пара журавлей. Лепота!

За завтраком для экономии времени и объема будущего груза добываем «дошираки» в пенопластовых корытцах, купленные в Хабаровске на первое время. Первое знакомство с «быстрорастворимой» корейской лапшой произошло у нас с Костей несколько лет назад благодаря Юре: «Мужики, у нас в Приморье новое восточное

диво — не надо ничего варить, засыпал приправы из пакетика, залил кипятком, закрыл крышкой — и через три минуты можно есть! С непривычки островато, но приправы можно поменьше сыпать!» По непрехотливым экспедиционным меркам блюдо было вполне съедобным, но для полного рациона хотя бы на неделю пешего маршрута не годилось — объём слишком велик. А для быстрого перекуса — вполне! Кстати, в этот раз в Хабаровске Юра поразил нас другой корейской новинкой — сушено-солёными кальмарами, прекрасно идущими под пиво.

* * *

Правильное время для старта первой экскурсии по местным болотам, марям, в поисках журавлиных гнезд мы все-таки прозевали. Трогаться надо было раньше — с рассветом, по морозцу. Не было еще 10 часов, когда наст перестал держать и тройка исследователей стала проваливаться по колено, а то и «по развилку», по меткому выражению Юры. Барахтались, теряя силы, где-то двигались ползком или даже перекатывались. Рядом, сквозь голубоватую толщу, глубокими ямами к самой земле уходили свежие лосиные следы. Едва-едва читались на зернистой, как сахарный песок, поверхности фирна* парные четки колонка. Темными протаявшими пятнами выделялись кучки заячьего и глухаринного помета.

Наконец, оторвавшись от кромки елово-пихтового леса по борту долины, мы вышли на обширную верховую марь, где снега, по счастью, было мало. Юра, единственный

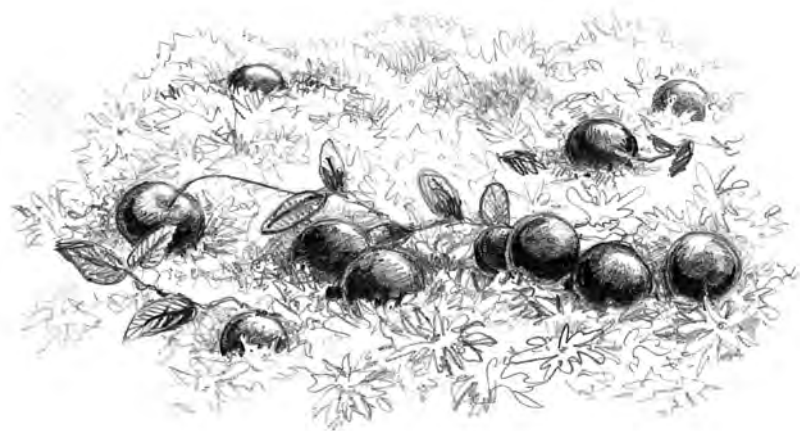
* Фирн — плотно слежавшийся, частично перекристаллизованный в ледяные зерна снег.

из нас, кто уже видел и снимал гнезда черных журавлей, глядя в карту, предложил для эффективности разделиться и прочесать болото с трех сторон — от самых истоков собственно Зевы, от Правой Зевы и от Маревого ручья, — а затем встретиться в центре. Ответственный обладатель единственного GPS-навигатора Костя засек координаты, и мы разошлись.

В устье Правой Зевы мне пришлось форсировать несколько протоков, в основном по опустившемуся на дно неровному льду. По самой Зеве шел активный ледоход, вверх по реке, навстречу льдинам, то и дело перелетали селезни крякаши. По скользким ноздреватым заберегам вились цепочки старых следов выдры. Здесь же, как фонариками светя лютиковыми грудками и подхвостьями, сустились горные трясогузки. Коротко подлетывали, ловя первых, еще сонных ручейников и веснянок.

Ходить по не до конца оттаявшей мари было куда проще, чем по прирусловому лесу. Кочки мягко пружинят, но снизу чувствуется твердая мерзлота, а не предательская зыбкая топь, как летом. Правда, нужно все время смотреть, куда ставить ногу, чтобы избежать глубоких, заполненных снежно-водяной кашей ям-мочажин между кочками. Ближние к лесу края мари заросли чапыжником и багульником, к центру кустов становилось меньше. На оплывших кочках — выцветшие космы прошлогодней травы, рыжеватые подушки сфагнума, зеленые веточки подбела с розовыми бутонами-бубенчиками, нити клюквы с мелкими листочками и прозрачно-темными прошлогодними ягодами.

Из леса донеслась раскатистая барабанная дробь, продолженная истошным заунывным криком «крю-крю-крю-крю — клиии». Ага, есть желна, большой черный дятел.

Интересно, где он здесь дупла себе долбит, стволы ведь не той толщины! Низкими хриплыми посвистами перекликаются краснощекие дальневосточные снегири, пронеслась стайка пролетных бурых дроздов. В мелком тальнике, окружившем большую темную лужу с белесой глыбой льда посередине, вдруг коротко прочирикала полярная овсянка. С вершины обломка сухой лиственницы ей отозвался черноголовый чекан — такой же маленький черно-белый комочек, но с рыжим пятнышком в центре груди. На фоне серо-бурого пятнистого задника мари озаренная солнцем трехцветная птичка выделялась столь живописно, что хоть садись и рисуй! Или хотя бы снимай... Но фотоаппарат я впопыхах забыл в палатке.

После полудня вязаная шапка, телогрейка и свитер плавно переключались в походный рюкзачок, на солнцепеке стало жарко и в штормовке. Птицы примолкли, слышнее стало жужжанье проснувшихся мух, запорхала бабочка-крапивница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru